

ные программы. Все эти программы не просто перетянули на себя почти все ресурсы, они использовали критерии отбора, в основе которых — публикации в журналах с высоким импакт-фактором (то есть, например, в журналах, индексируемых SCI, а это по определению лишь небольшая доля всех естественно-научных изданий), что непосредственно привело к созданию ситуации дефицита.

Сложившийся «SCI-тистский» режим только усугублял ситуацию, заставляя китайские университеты и их сотрудников сосредоточить все свое внимание и усилия на том, чтобы как можно скорее устранить дефицит, то есть как можно скорее получить доступ к вышеперечисленным правительственным программам. Это часто приводит к масштабному повышению продуктивности за счет проведения всех работ в максимально сжатые сроки. Некоторые исследователи применяют различные тактические маневры, чтобы любой ценой опубликоваться в журналах, входящих в базу SCI.

Вдобавок ко всему дефицит ресурсов негативно сказывается на наших когнитивных способностях и на функционировании. В условиях дефицита поле зрения сужается, то есть человек озабочен исключительно получением доступа к недостающим ресурсам или возможностям, нередко в ущерб «пропускным способностям» мозга, т.е. когнитивной способности мыслить и что-то придумывать. Это, в свою очередь, затормаживает подвижный интеллект. Последнее подавляет способность размышлять о фундаментальных вопросах и работать над долгосрочными задачами и, соответственно, приводит к тому, что результаты работы оказываются не инновационными, а скорее посредственными. По сути, концепция дефицита ресурсов довольно хорошо помогает объяснить инволюцию академической профессии в Китае и, что еще важнее, понять, чего следует ждать дальше.

Что дальше

Перечисленные выше новые меры, принимаемые в последнее время китайским правительством, показывают, что власти пытаются разорвать инволюционный цикл, в котором, похоже, застряла китайская наука, и что они действительно хотят, чтобы китайские ученые снова стали заниматься по-настоящему инновационными исследованиями и делать резонансные открытия. Однако эффект зависит от определенных внутренних и внешних обстоятельств.

Если говорить о внутренних факторах, то Китай — страна огромных размеров, и, соответственно, ресурсов все время не хватает. Например, если взять даже хотя бы сто лучших университетов страны, то между ними иногда наблюдается тридцатикратный разрыв в уровне доходов. Прежде политический курс на создание режима дефицита действительно казался естественным и даже оказался вполне эффективным для достижения поставленных Китаем целей в области общественного и экономического развития.

В принципе, в ситуации дефицита можно извлечь выгоду за счет сужения приоритетов, и сосредоточение на какой-то одной конкретной задаче будет способствовать повышению продуктивности. Этот эффект вполне удовлетворяет Китай в его стремлении обойти остальные страны в условиях глобальной конкуренции. Но если не будет внедрен альтернативный подход и если он окажется неэффективным, то в какой-то момент маятник может по инерции качнуться в обратную сторону. Стоит заметить, что, хотя китайское правительство осудило использование показателей, связанных с SCI, никакого альтернативного механизма аттестации ученых, который был бы одобрен властями, пока нет.

Если же говорить о внешних факторах, то господствующий в мире режим академического капитализма тоже в некотором плане связан с дефицитом: считается, что для максимизации доходов от науки нужно инвестировать в передовые вузы и лучших ученых (которых постоянно скрупулезно отбирают). Соответственно, ученых стимулируют к тому, чтобы они как можно больше и быстрее публиковались в журналах с высоким импакт-фактором, потому что это обеспечивает вузам, с которыми они аффилированы, высокие показатели цитируемости, а это очень важно для университетов, так как улучшает их позиции в рейтингах. И если новая политика негативно скажется на результатах китайских университетов в международных рейтингах, то существует риск, что правительство (да и сами университеты) захотят откатить все назад и вернуться к старым правилам игры.

В героическом прошлом Китая уже были первоклассные вузы

Ян Жуй

*Ян Жуй — замдекана (по науке) и профессор факультета наук об образовании Университета Гонконга (Китай).
E-mail: yangrui@hku.hk.*

В последние десятилетия мы наблюдаем, как Китай еще сильнее активизировался в стремлении вывести свои передовые университеты на авансцену международных рейтингов. Ровно сто лет назад молодые китайские вузы быстро снискали себе международную славу как учебные заведения мирового класса. И хотя начало XX века принесло китайскому народу много бед, этот период оказался пиком модернизации высшего образования. Если западная идея универ-

ситета сформировалась по результатам накопления практического опыта, то китайские представления о современных университетах предвосхитили жизнь и окончательно закрепились во времена так называемой «новой политики» на закате правления династии Цин (1901–1912). Тогда Китай действительно успешно многому научился у Запада — в этом смысле ни властям коммунистического материкового Китая, ни националистскому правительству Тайваня, ни колониальным гонконгским властям впоследствии так и не удалось превзойти последних представителей династии Цин.

Миссионерские колледжи

Миссионерские колледжи стали открываться в Китае в самом начале XX века, и они быстро вышли на международный уровень. Вступив в противостояние с тысячелетней культурой и изощренной интеллектуальной традицией Китая, эти колледжи неотступно продолжали свое культурное наступление на Восток и послужили проводником западных ценностей и знаний. Первым христианским высшим учебным заведением в Китае был Колледж Тэнчжоу, основанный еще в 1882 году. К началу 1940-х годов в стране насчитывалось 13 протестантских и 3 римско-католических вуза. Огромную роль в усилении американского влияния на ранних стадиях развития современного китайского высшего образования сыграл Университет Сучжоу, основанный в 1901 году представителями Южной методистской епископальной церкви и ставший первым в Китае университетом, полностью созданным по западному образцу. Китай также познакомился с американской моделью высшего образования благодаря Университету Св. Иоанна в Шанхае.

Миссионерские колледжи оказали беспрецедентное влияние на развитие китайского высшего образования на ранних его этапах и задали пример того, как должны быть устроены важные аспекты работы университета, включая задачи и идеалы. Учившиеся там и жившие при колледжах студенты-китайцы и работавшие в них преподаватели-иностранцы достигли больших высот в культурном скрещивании китайской интеллектуальной традиции с западной. Некоторые из этих вузов, например Яньцзинский университет, Шаньдунский христианский университет и Университет Св. Иоанна, снискали славу как передовые китайские научные центры. Сумев воплести китайские традиции в целом, в общем-то, продиктованную Западом образовательную программу, эти университеты пришли к международному видению науки и сформировали собственную уникальную модель образования.

Именно выпускники миссионерских вузов оказались оплотом развития страны в первой половине XX века. Благодаря своим высочайшим академическим стандартам многие колледжи получили международное признание и заработали себе репутацию университетов мирового класса. Они же первыми стали разрабатывать собственно китайские образовательные

программы, в частности в сфере антропологии, журналистики, права, социологии и экономики. Согласно международному опросу, проведенному Калифорнийским университетом в 1928 году, Яньцзинский университет был признан одним из двух лучших университетов Азии, благодаря чему его выпускники получили право поступать в аспирантуру американских вузов без экзаменов. Миссионерские вузы занимались передовыми научными исследованиями, например в области сельского хозяйства (Нанкинский университет), культурологии (Шаньдунский христианский университет), изучения фольклора, народного искусства и музыки (Фукинский христианский университет), музееведения (Объединенный протестантский университет Западного Китая).

Вузы, основанные китайцами

В 1895 году, когда Китай проиграл Японо-китайскую войну, стало очевидно, что для восстановления страны нужны современные учебные заведения, которые бы помогли китайцам перенять западный опыт. Представители властей и дворянства начали открывать собственные колледжи, где обучали западной науке и технологиям. За период с 1862 по 1898 год сторонники реформ создали 44 новых вуза, где — впервые в китайской истории — можно было познакомиться с достижениями Запада, например в сфере естественных наук и прикладных технологий, и даже выучить иностранные языки. Первым таким учебным заведением стал Тунвэньгуань — государственное училище по подготовке переводчиков с западных языков, основанное в 1862 году. В 1866 году там открылись факультеты математики и астрономии. В 1902 году училище вошло в состав Императорского университета Пекина.

Одним из таких вузов был Императорский университет Тяньцзина, основанный в 1895 году и занявший определенную историческую нишу. Созданный по образцу Гарварда и Йеля и затем модернизированный по образцу японских императорских университетов, он стал первым китайским вузом, который давал комплексное, системное западное образование и по праву может считаться университетом в современном понимании этого слова. Он также стал первым в Китае современным государственным университетом, полностью внедрившим у себя знакомую нам и сегодня западную модель инженерного образования. Этот вуз также первым в Китае принял устав, где были четко прописаны основополагающие принципы, миссия и видение, то есть его основатели отлично во всех деталях понимали, что важно в университете.

Китайские вузы современного образца создавались для того, чтобы познакомить страну, которая стремилась к национальному единству и экономическое развитие которой зависело от готовности противостоять усиливавшейся империалистической агрессии, с западной наукой. Эти вузы, способствовавшие успешному всестороннему приобщению Китая к западному образованию, готовили специалистов, столь нужных

бедствовавшему китайскому обществу, а еще занимались инновационными исследованиями в самых разных направлениях. Удивительно, что вузы не снижали свои высокие академические стандарты, даже когда большая часть территории Китая оказалась охвачена пламенем войны. Не зря Джозеф Нидэм называл Чжэцзянский университет «Кембриджем Востока». Еще более авторитетным считался Объединенный юго-западный университет, прославившийся высочайшим качеством научных исследований по самым разным дисциплинам.

Заслуживающий внимания исторический опыт

В свете усугубившегося кризиса, с которым столкнулась страна, китайские вузы современного образца благоразумно стремились сочетать западную академическую традицию с местными идеологическими, культурными и образовательными особенностями. Это было ярчайшим элементом их развития в первой половине XX века. Особенной похвалы заслуживает продуманность деталей на индивидуальном, институциональном и системном уровне во всем, что связано с налаживанием взаимоотношений между Китаем и Западом в сфере образования, науки и управления университетами. Всего этого Китаю удалось достичь довольно быстро после того, как он вообще впервые познакомился с западной идеей университета. Эти достижения прошлого задают нам высокую планку.

Поскольку в своем героическом прошлом Китай не имел сильного централизованного правительства, эти времена оказались периодом нестабильности и хаоса, хотя именно тогда предпринимались серьезные попытки создать настоящий «университет», основанный на ценностях автономии и академической свободы. Суровая правда состоит в том, что за последние полвека повторить достижения прошлого не удалось ни в материковом Китае, ни на Тайване, ни в Гонконге.

Китайские вузы современного образца благоразумно стремились сочетать западную академическую традицию с местными идеологическими, культурными и образовательными особенностями.

Скачкообразные периоды активности и нерегулярность ресурсоснабжения не гарантируют стабильности. И дело здесь не в деньгах и не в идеологии: вся загвоздка в культуре. Китаю стоит поучиться на собственной истории, в частности обратиться к периоду примерно вековой давности, когда китайская традиция только повстречалась с западной.

.....

Изучение высшего образования и контроль качества в африканских университетах

Хардсон Куандаи

*Хардсон Куандаи — директор по качеству Государственного университета Лунане (Зимбабве).
E-mail: hpkwandayi@lsu.ac.zw.*

Контроль качества в сфере высшего образования — это уже глобальный феномен. Его развитие было обусловлено рядом факторов, включая массовизацию высшего образования, усиление конкуренции, приватизацию, появление новых форм образования и развитие трансграничного образования. Все эти факторы привели к снижению образовательных стандартов. В рамках процесса укрепления контроля качества появились соответствующие организации континентального и глобального уровня. Европейский союз, к примеру, разработал еще в 2005 году Европейские стандарты и рекомендации для гарантии качества высшего образования в европейском пространстве (ESG-QA). А в 2019 году Африканский союз выпустил собственные Африканские стандарты и рекомендации для гарантии качества высшего образования (ASG-QA). Они представляют собой набор стандартов и рекомендаций для внутреннего и внешнего контроля качества в африканских вузах. Однако внедрение этого документа на практике замедлилось из-за ограниченных возможностей континента в этой сфере.

Исследования высшего образования как основа стандартов контроля качества

Успешность внедрения ASG-QA можно повысить, познакомив управленцев, работающих в сфере высшего образования, с концепциями и теориями известных исследователей высшего образования. Это важно, потому что стандарты составлены на основе этих самых